

Вино в чане пьянит своей крепостью, а в бокале манит ароматом. Но стоит этому винному духу вырваться из уст человека, как он тотчас превращается в зловоние. Как бы сильно человек ни любил вино, от подобного смрада его неминуемо начнет тошнить.

В этот миг винная лавка была пропитана именно таким духом. Хмельной яд одурманил посетителей, превратив их в диких зверей. Все до единого вскочили с мест и бросились к сцене, высоко вскидывая над головами деньги. Они тянули руки, пытаясь ухватить Циньлэ за босые ступни, коснуться её ног, выпить исходящий от неё аромат.

Циньлэ стояла неподвижно, не отступив ни на шаг.

Порыв ветра заставил язычки свечей яростно заплескаться, и в шумной толпе на мгновение воцарилась тишина. Пламя, побившись в агонии, вновь разгорелось, и шумная орава с утроенной силой взревела, но, вскинув головы, люди вдруг увидели возникшую за спиной Циньлэ зеленую тень.

Чуньцзин ухватил её за плечи, оттеснил назад и одним легким движением накинул ей на плечи белоснежную накидку.

Толпа, осознав, что добыча вот-вот ускользнет, в ярости уставилась на незваного гостя. Кто-то, тыча пальцем в Чуньцзина, выкрикнул:

— Ты еще что за фрукт!

Чуньцзин повернул голову и холодно, прищурившись, посмотрел на того самого пьянчугу, который первым решился на дерзость. Тот пошатнулся, втянул голову в плечи и, съежившись, поспешно просочился сквозь толпу, бросившись наутек.

— Идем, — Чуньцзин бросил короткий взгляд на Циньлэ и, развернувшись, направился прочь со сцены. Люди в испуге расступались, освобождая дорогу и стараясь держаться подальше.

Циньлэ стояла на сцене, плотно сжав губы. Нахмурившись, она смотрела на удаляющуюся спину Чуньцзина, крепко прижимая к груди свою пипу, и наконец опустила голову.

Чуньцзин обернулся к ней:

— Ты сама хотела, чтобы эти люди тебя купили?

Девушка вздрогнула, подняла на него глаза и, обнимая инструмент, поспешила следом. Они вышли из лавки. Циньлэ, опустив взгляд, следовала за ним по пятам.

— Принеси ей обувь, — Чуньцзин опустился на стул и поманил лавочного приказчика.

Циньлэ поджала пальцы, только сейчас осознав, что её туфли остались там, в кабаке.

Чуньцзин провел в Столичном городе два дня и сделал важное открытие: лапша в закусочной Все на свете под стенами города была просто изумительной! К тому же, стоила она вполне разумных денег.

Разумеется, это было лишь его личное мнение. Те, кто знал Чуньцзина, понимали: он крайне разборчив в еде, но никогда не скупится. Впрочем, никто из горожан не назвал бы хозяина закусочной честным человеком — не каждый осмелится продавать простую миску пустой лапши за две золотые жемчужины.

Поэтому, поедая лапшу, Циньлэ чувствовала себя неловко. Она вытягивала по одной нити и ела их. Чуньцзин сидел напротив, не глядя на неё, уставившись на фонарь с марлевым абажуром, где метались тени мотыльков, летящих на огонь. Но, судя по всему, он не следил за ними — с того места, где сидела Циньлэ, было видно, что взгляд его расфокусирован.

Хотя их разделяла всего лишь ширина стола, Циньлэ казалось, что Чуньцзин находится где-то невероятно далеко, в холодном месте, где он совсем один.

Чуньцзин опрокинул чарку с чистым вином и повернулся к девушке:

— За сколько ты планировала себя продать?

Циньлэ подняла голову, всё еще удерживая во рту кончик лапши. Замерев на мгновение, она поспешно проглотила еду и, выставив три пальца, прошептала:

— Три жемчужины.

— Три? — Чуньцзин всмотрелся в её лицо, к которому начала возвращаться краска, и слегка нахмурился.

Циньлэ взглянула на свою миску, прикусила губу и добавила:

— Изначально я просила пять, но раз господин угощает меня лапшой, пусть будет три. Меньше уже никак нельзя. Я умею стирать, готовить, петь и играть на музыкальных инструментах. Господину будет очень выгодно меня купить.

Не дав ей закончить, Чуньцзин нетерпеливо взмахнул рукой, давая понять, что разговор окончен:

— Мне не нужны служанки или прислуга, это слишком хлопотно.

Циньлэ уставилась на него, сжимая кулаки. Поколебавшись, она тихо пробормотала:

— Если господин...

Чуныцзин перебил её:

— Хотя ты и хороша собой, меня не интересуют чужие женщины. К тому же, я ничего не смыслю в музыке, так что для меня от неё польза лишь одна — помогает уснуть. — Он откинулся на спинку стула, глубоко вздохнул, оглядел Циньлэ и, приподняв подбородок, спросил: — Как тебе эта лапша?

Циньлэ растерялась, посмотрела в пустой бульон и, облизнув губы, ответила:

— Очень вкусно.

Чуныцзин кивнул:

— Раз ты умеешь готовить, сделай мне такую миску. Я никогда не жалею денег на вкусную еду, но всё должно иметь свою цену. Здесь миска пустой лапши стоит две золотые жемчужины. Если сумеешь приготовить так, чтобы я остался доволен, я дам тебе пять. Золотых жемчужин. Ну как?

А ведь одна золотая жемчужина стоила целого ху* жемчуга.

Глаза Циньлэ вспыхнули. Она округлила их и, подавшись вперед, переспросила:

— Всего лишь за одну миску лапши?

— Всего лишь за одну миску, — подтвердил Чуныцзин. Он повернул голову к окну и пробормотал: — Ночи здесь, конечно, не сравнить с Городом Юйи. — Он внезапно встал и направился к выходу. На ходу он бросил: — Доедай и иди домой. Завтра в это же время я буду ждать тебя здесь.

Не успел он договорить, как его фигура растворилась в людском потоке за дверью.

<http://bllate.org/book/19782/1949316>